

НОЯБРЬ 1943

16 НОЯБРЯ. Еще вчера ст. лейт. Б. сказал, чтобы б-ку (ред. — библиотеку) передать Нине Н. Как (нрзб) жаль, что тебя отправляют в резерв. Мы с (нрзб) против этого, но приказ нач., ничего не сделаешь. Они думают, что я желаю здесь оставаться, и отправка мне неприятна, зачем же тогда я писала рапорта, да получила за это взыскание? Утром передала книги не Нине, а Зине Ж. А вечером часов в 9 уже были в резерве в Богородском. Хорошо, что хоть двое девушек: я да Надя Б., а ребят 5 — Женька Т., ..Набетов, Сухих, Перерывьев (ред. — Перфирьев?), Богородов.

19 НОЯБРЯ. Командам еще сказали вчера, что на днях едут. Мы же с Надей только сегодня после обеда узнали об отправке, когда принесли арматурку расписаться. Это было после обеда. (сестра давно предрекает, что мне дорога предстоит — зачеркнуто). Вечером без увольнительной съездила к Клаве. Хоть и не сказала ей, что уезжаю, но

она как чувствовала. Мыло, сухарей, пудру, одеколон дала. В тот же вечер я уехала, т.к. утром должны были рано отправиться.

20 НОЯБРЯ. Все утро прошло в ожидании. Еще вчера получили сухой паек, а сегодня питаемся сухарями. Утром уехали за билетами, и только в 11-м часу построили в полном боевом... вокзал Курский. Только ждём (нрзб) какие (нрзб) Все время мы вдвоем с Надей, а вчера разговорились с одной девчиной украинкой Аней — (нрзб)тистка. Она сегодня тоже отправляется. Поменялись адресами. Хорошая, простая девчина. В 12 часов с поездом на Харьков нас две команды наша 14 ч. и 6 чел. Как жаль было, когда я узнала, что одна из команд едет на запад под Г. (Гомель) в родную Белоруссию. Чтобы раньше хоть сказали, а то когда утвердили списки, команду. Любопытные спрашивали куда, но разве скажут. И перед строем ком.роты ст.лейт. П-к сказал, тех, кого обмундировали в зимнее — на север, а кого нет — значит на юг, в теплые края. Мы думали, он смеется. Землячка у меня здесь Таня (Пис(нрзб)никова, беленькая, веселая, она с Краснопольского р-на. Как ей хотелось на запад. У ней там мать, отец. И она попала вместе со мной на юг.

День сегодня ветреный, морозный, но снегу нет. Сели на поезд в латвийские вагоны. Вот это настоящие ледники. Никто не усиживался в них, все бежали в соседние вагоны. ...и мы не усидели. Первая ушла Надя. Пошла за кипятком... вдвоем и потеряла ее. Принесла воды, а ее нет, и так она пришла только часов в 11 след. дня. Оказывается, она зашла в первый попавшийся вагон и жалобным голоском проситься стала погреться. А на утро и я перешла с ней туда. Соседями оказалась команда летчиков, славные ребята, с ними ехали три девушки. Одна Маша и две Раи. Славные девчата. Одна Рая — мотористка, славная, хорошенькая на личико, голубоглазая, очень похожа на дядю Т. Ехали вместе до Харькова. В Х. сошли с поезда, нам пересадка, а у них конечная остановка. Вокзал разбит, и ночевать (т.к. мы приехали ночью) пришлось идти в город на ул. К.Маркса. При высадке разошлись, а в вокзале опять встретились и ночевали вместе. У нас утром 8.50 на Павлоград отходит поезд. Как только стало светать, стали проверять документы и мы распрощались со своими спутниками, условившись писать и не теряться...

Наде адресов пять дали, ну а я мне много не надо — один, но хороший лишь бы был. Сопровождал команду лейтенант Н. Краса, блондин, я и внимания не обращала на него первое время, он несколько раз пытался со мной разговаривать, но ничего не получалось, и только утром рано 23-го мне сесть негде было и я стояла в проходе. Заметив что я стою, заставил сесть рядом. Понемножку разговорилась. Сам он с Синельникова, куда мы едем, у него здесь мать, сестра. Просил, если будет возможность, зайти к матери его. Простота его подкупала. Днем разрешил ребятам

принести самогону и они втроем напились здорово Ванюшка Ц., он и еще один не русский, усатый. И вот он взял сестрин адрес, вернее я сама дала, т.к. желала поддерживать переписку именно с ним. Своим спокойствием, простотой подкупал — какая-то симпатия явилась к нему. Я со своей стороны даже сейчас, не забыла своего обещания, посмотрю будет ли писать. Тот ли это человек, который может стать товарищем настоящим как я это понимаю, другом в жизни или я ошиблась, и все это были пустые слова с его стороны. Перед Харьковом поезд долго стоял в пути. Мне почему-то хотелось, чтобы он еще больше стоял, быть может, это потому что Харьков — это конечная их команды. Долго мы ходили с ним около стоявшего эшелона, разговаривая о жизни, о том, что вот встретиться же надо было в этом поезде? О том, что нужно самое главное в жизни, чтобы человек был счастлив.

23 НОЯБРЯ. Утром 23, когда хорошо развиднело, пошли на вокзал и ночью 23-го были в Павлограде. Сели тоже с трудом в поезд, но потом перешли в другой вагон посвободней. Как будто что-то потеряла, скучновато. Как все же можно привыкнуть к людям за какой-нибудь день. Как не печально, но поезд неумолимо уносит от них. Сидели с Надей в вагоне, где почти одни гражданские ехали. Против меня сидели две девчины: Оля и Саша. Обе учатся в институте иностр. языков в Х. Хорошие девчата, особенно Саша маленькая, скромная, темноглазая украинка. Чуть дождалась своих, — говорят. Рассказывают, как прятались от угона в Германию. Только не быть рабами, пили яд — настойку табака, после которой даже дыхание прекращалось. И так несколько раз. Врачи давали кислоту, и ей они мазала руки, ноги. И из-за этого отсрочку делали им. Как только узнавали, что будет облава, за харчи, и в лес, в жито, коноплю прятались, лучше, говорит, пускай убьют на Украине, чем жить в Германии. Тех, кого угнали, писали письма о себе что живут «хорошо», ничего кроме палки не видят.

Замерзнув в этом вагоне, мы перешли в соседний, где ехали наши ребята, остальные все. Странно опытный человек по виду, по разговору ли определяет человека. Хоть эта Надя. Как к меду липнут к ней. Не успела зайти в вагон и устроиться, как забыла всё. Нисколько нет у нее отчета своим словам. С моим взглядом на человеческие отношения это странно. Говорит о верности, а сама черт знает что.

Ночью приехали в Павлоград. Ни вокзала, ничего. На все четыре стороны иди. Повертелись. Поругались и когда узнали что через час идет эшелон до Синельниково, стали его разыскивать, чтобы добираться не пешком. Разыскали нач. эшелона. Долго уговаривали чтобы посадил, и в конце концов разрешил разместиться на платформу. Садилась, уже поезд шел. Часовой усадил Надю, меня и С(нрзб) в сан.машину. Через некоторое время машина была полна — начальство без разговора садили. Так ехали

(вернее ползли) до утра. Утром на одной из остановок ст. Зайцево узнали, что еще 18 км. до Синельниково. В довершении всего нас всех как миленьких попросили вежливо, угрожая винтовкой, из машины под предлогом пропажи каких-то брюк у одного из шоферов. Ничего не сделаешь, пришлось брать свои манатки и разминаться. Поругались здорово с часовым. Оказывается вчерашнего часового не было, а новый под предлогом пропажи решил освободить м-ну и вообще отвязаться от нас. А это выселение и на руку нам было. Просидели ночь, не двигаясь, проругали все. Так или иначе, а часа три, если не больше, прыгали у вагонов. За это время нас сопровождающий К. сержант уговорил нач. эшелона ехать на тормозах. Перед отходом грелись в теплушке, где два паренька украинских варили кашу. Но греться не пришлось, т.к. позвали ввиду отхода поезда. И так доехали до Синельниково. Не доезжая семафора, пришлось стоять, ожидать приема. Здесь откос крутой, высокий. Хотя погода дождливая, но самолеты гудят все время. В пути еще до этого остановка была. Ребята бегали смотреть. Оказывается женщина шла с петухом, капустой на базар. Рано и около жел.дороги, в канаве нарвалась на мину. Ноги оторвало, одежду всю изорвало в шмутки, а подле ее петух мертвый и кочаны капусты в корзинке.

Наконец мы в Синельниково. Зашли на вокзал. Когда-то было красивое здание, а сейчас штукатурка отлетела с потолка, а другой конец здорово разрушен. На здании, стенах его лозунги как внутри, так и снаружи. Своим вокзалом даже сейчас гордятся жители, говорят, что по всей Сталинской ж.д. не было такого красивого здания вокзала, а сейчас не узнаешь. Когда здесь были немцы, то они для маскировки отстроили точь-в-точь такое же на некотором расстоянии от этого здание вокзала из соломы — макет (нрзб) и почти (нрзб) не успели отстроить, как наши самолеты налетели, и сгорела эта приманка.

У военного коменданта города узнали, где должна стоять наша часть. Дал адрес на хуторе Веселый — километра 3 шли по жуткой грязи, смеясь, мы сравнивали свои ноги и грязь на них с вибратором Бодо. Ноги — вилки вибратора, а грязь — грузики. Сверху же безжалостно поливал дождик. Получив на день продукты в продпункте, мы двинулись по указанному комендантом адресу. Отболтав свои грузики, помесив эту украинскую грязь, мы наконец остановились около одного домика. И т.к. к нему шло много проводов решили, что это есть наш штаб. Но не то нас ждало, что мы хотели. Расспросили, узнали все как следует, оказалось, что здесь не было никакой части под таким номером, но должна быть скоро. Пока все это узнавали, мы, я и Надя, пошли к хозяйке напротив, посидели. Погрелись, а остальные наши пошли в другие дома. Часа через два приходит лейтенант с Синельниково за нами. Узнав, что нас направили по неправильному адресу, пришел за нами и мы часов в 7, темно, ничего не видно, да к

тому же и грязь, вода, сумки свои за плечи и двинулись в путь-дорогу, обратно назад в Синельниково.

Лейтенант шел с фонариком впереди и освещал дорогу, но это не помогало, все падали в грязь, а у Маши, когда она поскользнулась, шапка упала в грязь и поплыла. Пришлось догонять шапку, уносимую ветром. Шли долго. Наконец пришли на улицу к первому дому. Нас троих: я, Надя и Маша — лейтенант поместил здесь, а сам ушел, сказав, что за нами придет завтра. Хозяйка (потом мы ее раскусили) обрадованной притворилась, ласково встретила нас. Она одна была дома. Мы же тоже расположились как дома, поверили ее доброте. Сварили каши, она налила нам щей, а хозяин дома (потом мы узнали его поближе, т.к. он стал нашим защитником — Гриша Рыбалко) принес нам компоту вишневого. Ну, в общем, как ни в чем ни бывало. Мы усталые (ведь 5-е сутки не спали нормально) как мертвые уснули. Утром Ира ушла на работу, а нам велела в случае ухода ключ отдать старушке, рядом жившей матери Гриши. Часов в 10 встали, сварили поесть и стали ожидать, пока за нами кто придет. В 12 часов пришел сержант К. и велел собираться, переселяться на другие квартиры ближе к месту работы. Ключ отдали старушке и преспокойненько ушли.

Разместившись на новых квартирах, вечером мы опять пошли на старую квартиру, погадать и попутно захватили кружку, которую случайно унесли, спутав ее с моей. Здесь нас ждал, как говорят, удар. У хозяйки пропала простынь, кофточка. Все улики были (ред. — указывали) на нас, если слепо смотреть. Но разобравшись хорошенько, а в этом помог нам Гриша Р., нам стало ясно, куда мы попали. На (ред. — под) нашу марку хотела проехать хозяйка, обвинив в пропаже нас, в то время как сделала это сама. Конечно, неприятно, когда чувствуешь (ред. — знаешь) свою невиновность. Но хозяйке Ирочке пришлось распрощаться с квартирой.

Вот что ждало нас на новом месте жительства. Новая хозяйка очень хорошо встретила нас. У нее две дочери Катя и Рая, учительницы. Сынишке Раи Вова 3 годика. Такой озорной. Все пишет папе письма: Папа, приезжай до нас, — чтобы ни попало ему под руки: карточки с альбома, книжки. А спросишь у него: Где твой папа, Вова? — говорит: - Пошел немцев гнать.

25 НОЯБРЯ. Никого нет с нашего батальона, один лейтенант. Продукты с боем выдали на продпункте здесь. Нас только 14 человек.

(2 декабря — зачеркнуто) 26 НОЯБРЯ. Приехали начальство штаб. Приняли, опросили нас по одному, меня и Надю зачислили в 48 ВУС.

Продукты выдают, но мало. Хорошо хозяйка хорошая такая. Варит со своего щи. Ходим в наряд. Только 28 часовым была, а 1-го нач. караула, деж. по части, а сегодня убирала блиндаж, дрова колола. Печку топили в блиндаже. Установили 2 апп. (нрзб) дежурят, но не работают в линию.

3 ДЕКАБРЯ. Иду в наряд. Часовой у штаба. Настроение очень плохое. Сухари дают по 200 гр. в день и по 2 тарелки супу в день. Это все объясняется тем, что стоим на формировке. Нет продуктов на складе. Каждый день ругаемся. Ну, ничего. Конечно, это временно. Бывало же похуже.

Послала уже много писем сестре и на курсы, но ответа до сих пор нет, неужели еще месяц придется ждать писем, с ума сойдешь в этой скучище. Сидим как отшельники, только выходим получить эту несчастную тарелку супа да когда в наряд. Хотела бы выйти. Да грязь непролазная. Вот тебе и Украина Золотая. Сегодня Катя уехала в Днепропетровск устраиваться учиться. Эх. Счастливая. Завидую как я ей!!

12 ДЕКАБРЯ. Чудная сегодня ночь была. Так светло, точно днем, одна разница, что звезды на небе да ясная луна. Встала сегодня в 2 часа ночи почти, чтобы успеть к полтретьему в штаб. Он через 2 дома напротив. Таких ночей я у себя дома не видела. Когда жила в деревне, училась. Но здесь это что-то особенное, сон даже пропадает, гулять только в такую ночь. Инеем белым покрыты деревья, и все сливается: и дома белые, и земля, и деревья. Тихий морозный день сегодня, ветерок еле колыхает веточки вишневых садов. А какая красота здесь летом, когда цветут эти сады. Сколько здесь зелени, красок. Да! Золотая, солнечная Украина. Думала ли что попаду в эти места? Война всех разбросала.

Настроение с утра было мировое. Хотелось петь. Резвиться. Ночью сидела читала до самого утра журнал и газету за 8 и 10 декабря. Все прочитала до единого слова. Все новое, радостно-волнующее. Эх! Разобьем обязательно, чтобы ни одного ирода не осталось не только на нашей родимой краине, но и на всей земле.

Как хочется сейчас опять туда, где братья и отцы в дыму и пыли лицом встречают и гонят эту мразь. Хоть мы вот и недалеко от них, но это не успокаивает, вспоминается свое недавнее прошлое, Брянские леса, засады, налеты, минирование и спуск эшелонов, жизнь лесная в землянках. Боевые друзья, ребята, девушки. Кто где сейчас, кто учится в своих институтах, откуда ушли добровольно, а кто вот сейчас опять на передовой. И все кажется, мало еще сделано мной, еще много силы и желания. А это ведь много значит. Хотелось как мне на передовую, (а вот — зачеркнуто) чтобы с винтовкой (да наганом с плечами — зачеркнуто) в руках, наганом на боку, гранатами

наготове опять подстергать трусливых вшивых фрицев, а попала вот — не туда. Иногда бывают минуты, и миришься с такой как бы тихой остановкой. Не всегда бывает, как хочешь.

Часто вспоминается Николай К. Хоть бы письма пришли от сестры. Вот уже 22 дня со дня отъезда с Москвы и ничего не знаю, как там поживают. И вот все это время приходится «бездельничать». Все формируемся, и до каких пор это будет — бог знает. Наряды, наряды и наряды. А своей работы не видно. Взясась за книги у хозяйки, раскопала кое-какие, но большинство — на украинской мове. Попробовала читать. Понимаю. Но трудновато — не все. Сейчас читаю М. Горького «Жизнь Кожемякина» — чем-то темным, страшным, но в то же время интересным веет от него и хочется его читать.

Надя вчера ночью приехала из своего «кругосветного путешествия». Завидую ей немножко, везет ей — в поездке знакомилась со своими комсомольцами, побывала в Запорожье, Мелитополе и др. городах, где находятся наши посты от рот. Пол-одиннадцатого пошли в баню городскую. Мыться страшно было — вода соленая, голову мыть нельзя, но зато в санпропускник решили с Надей не идти и смылись. Решила использовать случай. Мы оказались недалеко от улицы, где живет семья Н. и расспрашивая у жителей, стали искать дом 21 (этот номер сказал Гриша Рыбалко). Но к нашему (вернее моему) огорчению поиски были неудачные. И все ведь виновата я. Когда он говорил фамилию и адрес, то мимо ушей пропустила. Что бы записать! Зашли в несколько домов указанных нам, но все не то. Ну вот, теперь одна надежда на переписку (все это 70 % уговора за ним). Улизнуть от такой «приятной» бани так и не удалось. Неожиданно столкнулись со старшинами и пришлось идти в баню. Кое-как «вымылись» и пол третьего были уже дома.

1 ФЕВРАЛЯ. Вчера в 8 ч. приехали с Днепропетровска я, Надя, да еще 5 ч. За комсомольскими билетами ездили. Хоть и померзнуть пришлось маленько, но я очень довольна этой поездкой, все лучше, чем сидеть киснуть на одном месте. Как говорит пословица, хоть людей посмотрели, да себя показали. На день опоздали, но жаль, что еще не остались ждать ребят-зенитчиков, и вместе бы приехали в Синельниково. Они на нас и обиделись небось, что мы их не послушали. Но все это нам наука слушаться старших. Сами жалели на другой день, когда очутились опять на своем месте, пошли наряды один за другим. Эх! Долго вспоминать придется их, особенно Мишу и его друга Петю, бывших моряков. Расстались не так, как хотелось, но, думаю, писать будет. Не вытерпела, сама первая написала 2 уже письма. Они где-то рядом, частенько на станции бывают. Не верю, что мы не встретимся еще. Но, конечно, все (ред. — что) зависит от меня, я сделаю для встречи. Уезжали 31 января после обеда. Снег падая

таял на шинели и ушанке и стекал за воротник. Потеплело, и вода ручьями бежала по улице. Сапоги были мокрые. Сначала не хотелось ехать в такую погоду, но потом не пришлось жалеть.

Уселись в вагон все и стали ждать отправки, и дождались, что пришлось переходить в другой эшелон, в угольные вагоны. Проехали до Хорошово и остановились — ни взад, ни вперед. Замерзли, как бобики, и спать хочется, ведь все время стояли. На уголь садиться не хотелось — перемажешься. Часов в 5 еще было темно, не вытерпели и с Надей ушли искать теплого местечка. А остальные остались в вагоне, кроме двоих ушедших греться в землянку.

24 МАРТА. Вчера с утра встретила ком.роты. Шел со штаба, а я стояла на дороге с Аней. Поздоровались. Что ты нос повесила? — говорит мне. Ну как не вешать, если он сам вешается? — недовольным голосом ответила я. Пойдем со мной — поговорим. Пошли к нему в канцелярию. Дорогой и там я все настаивала, чтобы меня отослали вместе со взводом Бодо в действующий 30-й полк. А он как бык на своем: будешь мех. СТ-35 и все! Завтра, говорит, поедешь, но не телегра(нрзб) к старшине. Как все же обидно. Надя-то ведь уезжает. Позавчера узнала только это. Сразу не поверила. Думала, это ошибка, и спокойно себе продолжаю купаться. Но оказывается, правда — она едет механиком Бодо. Вот еще горе-механик. Подполковник, пронюхав, что она опять крутит с капитаном. Еще в Синельниково он ей (предложил — зачеркнуто) сказал, если чего замечу, то без разговору отправлю. Нашел удобный момент избавиться. Только бы в действующую отправили — одно мое стремление. Здесь пользы почти никакой, ни себе, ни людям. Как Надя говорит — ни уму, ни сердцу. Я думала — ни с кем разговаривать не буду, начиная первым с капитана. Но уже сегодня отлегло. Ничего не сделаешь. Поживем, посмотрим.

25. Вчера утром уехали бодисты. Мне так было плохо, тяжело, что я не смогла идти их проводить на машину. Уехали на Кривой Рог Фордом. А дальше будут пробираться поездом. За Кривой Рог далеко. Остается ждать писем. Осталась, как бобыль. Сейчас дедка кричит, с чугунами возится. Старуху свою со дня на день поджидает. Было нас пять в комнате, а сейчас одна я осталась. С утра решила писать письма, и вот уже 4 часа, а я только кончила.

Вчера мылись в новой бане своей ротной после ужина. Вот непоседа наш ком.роты. Задумал еще общую столовую сделать. Помещение убрали, побелили для столовой. Хотите, говорит ,культурно жить — строй столовую и баню. И здорово получилась баня. С утра затеял уборку сделать около столовой. Загородил проволокой в три ряда, а после вечера пришлось натягивать ее, обтянули, пока ужин получили. Желтым песком

весь двор уложили, дорожки из кирпича сделали. К колодцу не пускают никого из гражданских. Была бы хорошая погода. А то дождь моросит, снег пошел, мокро. На улицу не хочется показываться.

Написала письма Клаве-сестре, (подруге-зачеркнуто) Мусе, Клаве - вместе партизанили, Михаилу Кузнецову, домой и в Синельниково Кате. Вот уже месяц ровно как освободили. А ответа на мои письма все нет и нет. Вчера от Клавы получила - тоже ничего не получает. Не случилось ли чего?

Вчера приехала вся третья рота. Делают передачу своей линии Запорожье—Мелитополь—Партизаны другой части. И принимают в эксплуатацию линию Запорожье—Никополь.

На этом дневник заканчивается. Несмотря на достаточное ещё количество чистых листов, продолжать записи Валентина Фёдоровна не стала.